

ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ¹

НАТАЛЬЯ КОРИНА

Katedra slovanských filológií, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa,
Nitra, Slovensko

KORINA, Natalia: Etymologizing the Phrasemes: Some Problems and Goals. *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*, 2024, Vol. 75, No 2, pp. 226–240.

Abstract: This paper is aimed at the most specific problems occurred by etymologizing the set-phrasemes in comparison with the regular vocabulary units. The methodology of phraseological etymologizing is analysed taking into account the Constructions Grammar’s approach to the phraseme as a structural-semantic unit. In this connection the author considers Phraseme Constructions as a “bridge” between grammar and vocabulary. The paper is based on Slavic phraseology highlighting the relevance of area and contrastive approaches. A special attention is paid to the role of Š. Ondruš’ works in establishing relationships between etymology, phraseology and area studies.

Key words: historical phraseology, etymology, Slavic languages, dialect, area studies, phraseme construction, Šimon Ondruš

1. ВВЕДЕНИЕ

Фразеология – часть культурного фонда нации. Ее связь с историко-культурными реалиями, традиционными верованиями, литературой и фольклором вызывает к ней интерес общественности и нередко порождает околонучные историко-этнографические гипотезы ее происхождения, нацеленные на «патриотический эффект» – доказательство самобытности породившей фразеологизм культуры. Иногда и ученые идут на поводу у непроверенных гипотез, автоматически транслируя их в своих трудах, на что неоднократно указывали российские и немецкие фразеологи (Burger 1998; Мокиенко 2007б; Bierich 2014). Это вносит свой вклад в скептическое восприятие наукой этимологии фразеологизмов (Eckert 1987; Fleischer 1997; Мокиенко 2007б; Bierich 2014; Вальтер – Мокиенко 2019). Практикуемые способы этимологизации фразеологизмов не раз подвергались жесткой критике: «...ein häufig dilettantisches Herangehen an die Etymologisierung und historische Beschreibung der Phraseologismen bis in die Gegenwart hinein feststellbar ist» (Eckert 1987, с. 801). Поэтому задача

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта European Cooperation in Science and Technology (COST) CA22115 «A Multilingual Repository of Phraseme Constructions in Central and Eastern European Languages» (PhraConRep).

этимологов – не только установление механизмов образования фразеологизмов, но и развенчание околонуучных мифов об их происхождении². Особенно важна здесь строгая научная методика, разработанная с учетом структурно-семантических особенностей фразеологизмов и их встроенности в культуру.

Трудности, возникающие при этимологизации фразеологизмов, обусловлены спецификой фразеологизма как языковой единицы, прежде всего его многокомпонентным составом – главным структурным отличием фразеологизма от слова. Дополнительную трудность создает неясность в вопросе определения базовой единицы фразеологии и ее основных признаков, что следует из разного определения границ фразеологии и оснований для выделения ее единиц. Различия в подходах обусловлены также определением места фразеологии в системе научных дисциплин в разных лингвистических традициях (подробнее см.: *Phraseologie...* 2007; Баранов – Добровольский 2008). Тем не менее единицы, включаемые во фразеологию на самых разных основаниях, имеют ряд общих свойств, позволяющих отнести их именно к этой части лексикона. Наиболее универсальными из них являются многокомпонентность (сверхсловность), устойчивость и воспроизводимость, а для фразеологии в ее традиционном понимании также образность (*Phraseologie...* 2007, с. 1–19).

Отсутствие единой теоретической базы затрудняет как сопоставительные, так и диахронические исследования, без которых невозможно приступить к этимологизации фразеологизмов. Однако даже в рамках родственных языков с общим языковым фондом она представляет значительные трудности, что отчетливо прослеживается на примере славянских языков.

В данной статье мы наметим некоторые проблемы этимологизации славянских фразеологизмов и проанализируем специфику изучения славянской фразеологии в диахроническом плане. В качестве основных источников материала будут привлечены историко-этимологические словари русской (РФИЭС) и белорусской (Лепешаў 1981; 1993) фразеологии, дополненные данными фразеологических словарей, Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также многоязычного онлайн-словаря фразеологизмов-конструкций, создаваемого на платформе GitHub в рамках проекта COST CA22115 (см. сноску 1).

Исследование базируется на фразеологии в ее узком понимании – идиоматике, которая включается в границы фразеологии при любом подходе. Для номинации базовой единицы используется термин «фразеологизм», традиционно применяемый в русскоязычной лингвистике как наиболее универсальное обозначение фразеологической единицы.

Целью исследования является сопоставление применяемых в источниках методов этимологизации фразеологизмов с методами этимологизации лексики

---

² Этому способствует грамотная популяризация этимологии (Мокиенко 2007а; ср. также Руканес 2010).

и определение их специфики. Оно требует широкого охвата материала, поэтому по соображениям объема мы не рассматриваем подробно отдельные примеры, отсылая к источникам, в которых документирована их этимологизация.

Более общей задачей является сопоставление результатов исследований разных тематических и хронологических срезов, выходящих за рамки фразеологии, с целью показать, что общелингвистические теоретические труды, к которым относятся и работы юбиляра этого номера Шимона Ондруша, универсальны не только для разных лингвистических дисциплин, но и для гуманитарного знания в целом.

2. ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Этимология традиционно связывается с лексикой: первые попытки этимологизации слов, пусть еще далекие от научных, предпринимались уже в античности (Вальтер – Мокиенко 2019, с. 7). Фразеология в этом отношении лакунна, однако это не означает, что ее нецелесообразно или невозможно этимологизировать. Проблема в другом: как это делать? Если целью этимологического анализа слова является «определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю» (ЛЭС, с. 596), то для этимологического анализа фразеологизма этого недостаточно. Все вышеперечисленное, кроме словообразовательной модели – ее место займет структурная (синтаксическая) модель – должно быть дополнено расшифровкой образа, лежащего в основе фразеологизма. Он делает реконструкцию особенно трудоемкой, поскольку во фразеологическом фонде языка нет стабильного набора образов – они находятся в постоянной динамике. Поэтому к этимологическому анализу фразеологии не вполне применимы точные методы анализа лексики, разработанные основоположниками сравнительно-исторического языкознания³.

Так же, как семантика фразеологизма не выводится из суммы значений его компонентов, этимология фразеологизма не выводится из этимологий составляющих его слов: они не помогут установить, когда данная комбинация слов подверглась фразеологизации. В этом процессе играют роль не только семантические, но и грамматические связи, которыми фразеологизм обладает как многокомпонентная структура. Для определения времени фразеологизации

---

³ Авторами первых этимологических словарей индоевропейских языков являются в основном приверженцы сравнительно-исторического метода, что повлияло на выработку методики этимологического анализа (Mokienko 2007, с. 1134).

оборота необходимо хронологизировать приобретение им устойчивости – она обеспечивает воспроизводимость всей конструкции.

Следующая проблема: документировать фразеологизацию возможно только с того момента, когда оборот в его фразеологическом значении (определяемом по контексту) фиксируется в письменных источниках. Поскольку доменной фразеологии является разговорная речь, ее более-менее регулярная письменная фиксация происходит только начиная с 18 века, когда появляются записи народной речи и фольклорные сборники, а литература перестает носить переводной характер (Bierich 2014, с. 1766). Более древнюю фразеологию можно документировать лишь единично по вкраплениям в памятниках письменности. Кроме того, для установления исходной модели и возможности замены компонентов в структурной схеме фразеологизма необходимо зафиксировать максимум его вариантов, что требует не только изучения всех страт языка, включая субстандарты, но и контрастивного анализа на материале родственных и неродственных языков. Монолингвальная ретроспектива нередко приводила ученых к утверждениям об исконности происхождения фразеологизма, в то время как контрастивный анализ с учетом диалектного материала показывал его бóльшую древность и присутствие в целом ряде языков. Это наглядно продемонстрировал, в частности, А. К. Бирих: в «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» (Шанский – Зимин – Филиппов 1987) фразеологизм *стоять как вкопанный* ‘неподвижно’ интерпретируется как исконно русский и связывается с традиционным наказанием неверных жен, которых по шею закапывали в землю. Однако обширные параллели во всех группах славянских языков, не учтенные авторами, заставляют усомниться в его исконности (бел. *стаіць як урыты*; серб./хорв. *stajati kao ukopan*, словен. *stati kot ukopan*, пол. *stanął jak wryty, stoi jak słup wryty*, чеш. *stát jako vrytý*). Кроме того, гораздо более реальный образ вкопанного в землю столба подтверждают польские параллели и другие сравнения на основе того же образа – рус. *стоять как столб, как кол, как пень, как чурбан*; бел. *стаіць як слуп, як пень*; пол. *stoi jak słup w ziemię wryty*, чеш. *stát jako sloup* и др. (Bierich 2014, с. 1767–1768).

Методика этимологизации фразеологизмов по сей день остается актуальной задачей, однако признается не всеми этимологами (Burger – Buhofner – Sialm 1982, с. 335–340; Burger 1998; Bierich 2014). Механизм определения фразеологического этимона настолько отличается от лексического, что вполне понятно нежелание некоторых исследователей включать фразеологию в этимологические словари (Вальтер – Мокиенко 2019, с. 5–8). Препятствует этому и отсутствие единой терминологии. Фразеологическая этимология? Фразеозимология? Этимология фразеологических единиц? Мы не ставим целью наведение порядка в терминологии, поэтому используем рабочее понятие «этимология фразеологизмов», чтобы остаться в рамках этимологии, которая может трактовать

ваться не только как наука о происхождении слов, но и шире⁴ – как наука о происхождении языковых единиц, каковыми являются и фразеологизмы.

Поскольку языковой оборот можно считать фразеологизмом лишь с момента, когда доказана его устойчивость, он всегда «моложе» составляющих его слов. Возникает вопрос: а каков максимальный «возраст» славянских фразеологизмов, реально ли реконструировать праславянскую фразеологию? Ответ на него затрудняет дефицит информации. По данному вопросу идет дискуссия, начатая еще в 1973 г. Н. И. Толстым на Международном съезде славистов (МСС) в Варшаве и возобновленная в 2018 г. Х. Вальтером и В. М. Мокиенко на МСС в Белграде⁵. Мы будем во многом отталкиваться от этой дискуссии.

В качестве основных причин лакунности праславянской фразеологии ученые указывают: а) отсутствие этимологических словарей славянской фразеологии⁶; б) затруднения методологического характера, обусловленные многокомпонентной структурой фразеологизмов; в) особую специфику реконструкции праславянской фразеологии, при которой «значимо не воссоздание исходного этимона (как для лексики), но – реконструкция структурно-семантической модели, компоненты которой в общеславянском ареале (особенно диалектном) варьируются» (Вальтер – Мокиенко 2019, с. 12). Поэтому ареальный подход имеет здесь особую ценность. Ниже мы рассмотрим методы этимологического анализа с его учетом, не касаясь самого факта наличия праславянской фразеологии.

3. ПРИНЦИПЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеология требует особого методологического подхода, поскольку между компонентами фразеологизма существует целый комплекс связей (семантических, грамматических, прагматических), влияющих на его значение и возможности употребления. Установление этих связей в диахроническом плане затруднено дефицитом контекстов, которые помогли бы раскрыть все порождаемые данными единицами смыслы, а также различной степенью образности фразеологизмов разных типов.

Диахроническая специфика фразеологии стала объектом внимания ученых благодаря изучению исторической и диалектной фразеологии, свой вклад в которое внесли многие славянские лингвисты (обзор см.: Burger – Buhofer – Sialm 1982; Eismann 1999; *Phraseologie...* 2007)⁷. Основы этому положил

---

⁴ Так было в 19 веке: термин «этимология» употреблялся также в значении «грамматика» (ЛЭС, с. 596).

⁵ Их доклад в форме полемической статьи (Вальтер – Мокиенко 2019) публиковался в журнале «Jazykovedný časopis» (JČ).

⁶ Единичные исключения существенно не меняют общей картины.

⁷ Вклад словацких лингвистов в развитие фразеологии см.: Ďurčo (2007).

Н. И. Толстой, сформулировавший принципы историко-этимологического анализа славянской фразеологии (см. выше), но наиболее последовательное развитие они нашли в трудах ларинской школы, и прежде всего В. М. Мокиенко, применившего метод структурно-семантического моделирования⁸. Этот метод основан на детализированном сопоставлении диалектной, славянской и неславянской европейской идиоматики и базируется на пяти основных принципах:

«1) тщательная фиксация всех вариантов фразеологизма и их лингвогеографическое описание в пределах одного языка (с обязательным привлечением диалектного материала); 2) сопоставление собранного материала с языковыми фактами родственных и неродственных языков; 3) хронологическая характеристика конкретных фразеологизмов в различных языках и выявление наиболее древней фиксации; 4) привлечение культурных, этнографических, мифологических и других фактов для расшифровки фразеологического этимона; 5) выявление на основе собранного материала исходного образа, лежащего в основе фразеологизма» (Bierich et al. 2020, с. 428–429).

Как можно заметить, первые три принципа соответствуют базовым этимологическим методам, а два последних являются специфическими для фразеологии как культурного феномена. Кроме того, в первом пункте особо подчеркнута релевантность ареального подхода и обращения к диалектному материалу – для фразеологии это намного более актуально, чем для лексики, на что указывал еще Н. И. Толстой (1995, с. 383–404). Именно диалекты не раз помогали восстановить истинную картину происхождения фразеологизма (Толстой 1995; Мокиенко 2007б; Bierich 2014 и др.).

Результатом применения методики В. М. Мокиенко и его коллег стал «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (1998) с этимологическими версиями около 6000 фразеологизмов, над которым авторский коллектив – В. М. Мокиенко, А. К. Бирих и Л. И. Степанова – работал много лет. Его исправленное и дополненное издание 2007 г. (уже 3-е – РФИЭС) является источником нашего исследования.

Словарь не случайно назван историко-этимологическим, а не этимологическим: в этом определении кроется одно из главных различий в диахроническом изучении лексики и фразеологии. Определение фразеологического этимона невозможно без знания истории фразеологизма: оно требует расшифровки образа, а образ формируется на основе реалии (события, ситуации, культурных реалий – литературы, мифологии и т. д.), которая должна быть известна этимологу. Например, рус. *как Мамай прошел* неодобр. ‘полнейший беспорядок, разгром, опустошение’ (РФИЭС, с. 415) – «след истории», связанный с именем

---

⁸ Данный метод – основа методики этимологического анализа фразеологизмов, занявшей прочное место в современных исследованиях (обзор см.: Bierich et al. 2020).

татарского хана Мамай, опустошившего в 14 веке значительную часть Руси и разгромленного в Куликовской битве 1380 г.; бел. *свінтус грандыёзус* ‘позорище, наглец, неуч’ (Лепешаў 1993, с. 155) восходит к сатирической комедии К. Крапивы «Кто смеется последним» (1939). За пределами соответствующего культурного ареала эти образы непонятны.

В уникальности образности всей единицы как целого кроется еще одно отличие фразеологии от лексики, семантика которой имеет общие компоненты во всех родственных словах, в силу чего этимологию слова можно реконструировать, не имея его документальной фиксации. Упрощенно говоря, лексическая этимология строится на вычислениях, а фразеологическая – на поиске историко-культурных контекстов⁹.

РФИЭС старается это учесть: при каждой единице здесь представлены все имевшиеся на момент составления словаря этимологии, включая разные версии одного и того же ученого, выдвинутые в разные годы. Особенность методики составления РФИЭС в том, что авторы намеренно предоставляют читателю возможность самому сравнить приведенные версии и оценить их состоятельность. Яркий тому пример – фразеологизм *пускать пыль в глаза* (РФИЭС, с. 583–585), имеющий 9 взаимопротиворечащих версий происхождения, часть которых утверждает исконность оборота, а часть – заимствование. При ближайшем рассмотрении оказывается, что некоторые «исконные» гипотезы не имеют языкового подтверждения, в то время как «интернациональная» версия убеждает массой приводимых параллелей в славянских и европейских языках и анализом остальных версий, в результате которого делается вывод, что «попытки объяснить его на русской почве – напр., связать с конкретным поединком литовского и русского воина в Москве в XVI в., с обычаем русских кулачных боев или знахарским „напусканьем туману“ в глаза неоправданны» (РФИЭС, с. 584).

Кроме того, читатель получает уникальную возможность проследить эволюционирование взглядов этимологов с появлением новой информации: по датам и именам легко заметить, что некоторые версии были со временем пересмотрены – так, В. М. Мокиенко сначала приклонялся к «исконной» версии (1975 и 1989), но по мере получения данных сопоставительных исследований пришел к «интернациональной» версии (1997 и 2002), которая в РФИЭС сопровождается компонентным анализом фразеологизма и наиболее убедительно аргументирована. Благодаря РФИЭС становится очевидным, чем анализ по строгой научной методике отличается от дескриптивной фиксации готовых версий (подробнее см. Корина 2020).

---

⁹ Исключить можно лишь соматическую фразеологию – ее образы универсальны и восходят к человеческой физиологии и связанным с ней пространственным представлениям. Например, в основе слов. *čo by kameňom dohodil* ‘близко’ лежит образ, не требующий расшифровки несмотря на отсутствие полных аналогов в других славянских языках. (Ср. англ. *They live in a stone's throw from us.*)

4. СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ

Этимологизация фразеологизмов усложняется их вариантностью, свойственной даже наиболее консервативным идиомам – фразеологическим сращениям (по В. В. Виноградову). Так, белорусская идиома со значением ‘бездельничать’ приводится в 1-й части этимологического словаря фразеологизмов в вариантах *біць бібікі*, *біць лынды*, *біць байды*, *біць тылылы* и *біць брынды* (Лепешаў 1981, с. 23), которые при полной структурно-семантической идентичности различаются только номинальным компонентом. Автор указывает, что все они образованы по продуктивной модели «*біць* + этимологически затемненное существительное во множественном числе», имеющей ряд соответствий в украинском и русском языках: укр. *бити байдиди*, *бити баглаї*, *бити гандри*, *бити бурла*; рус. *бить баклуши* (там же). Во 2-й части словаря отдельная словарная статья посвящена варианту *біць тылылы*, который подкреплен диалектными параллелями – их не было в 1-й части:

«**Біць тылылы.** *Уласна бел.* Гультаяваць, займацца пустымі справамі. [...] Узнік па мадэлі з ужо існуючымі, сэнсавы тоеснымі фразеалагізмамі тыпу *біць лынды*. Структурная схема запoўнена словам *тылылы*, звязаным з іграй “на язык *ты-лы-лы*; у некаторых беларускіх гаворках ёсць “тылілікаць”, “ты-лі-лі” (Ф. М. Янкоўскі)» (Лепешаў 1993, с. 26).

Включение диалектных данных во 2-ю часть, вышедшую через 12 лет после первой, отражает новые тренды в методике этимологического анализа. Позднейшие исследования еще более расширили ряд вариантов материалом белорусских и украинских диалектов: бел. *шлынды біць*, *брынды біць*, туров. *біндзікі біць*, *бінды біць*; укр. *байди бити*, винницк. *бабки збивати*, закарп. *бренки бити*, *ковті бити*, *гоцы бити*, *фіглі бити* (Вальтер – Мокиенко 2019, с. 23). Аналогичная единица присутствует в польском (*zbijać bąki*) и литовском (*dindas*, *pimparus mušti*) языках (там же), что вызывает необходимость сделать оговорку к помете «исконно белорусское» у И. Я. Лепешева (см. выше): во всех перечисленных единицах исконными могут считаться номинальные компоненты типа бел. *тылылы* или рус. *баклуши*, однако структурная модель в целом и ее глагольный компонент являются общими для восточнославянских, польского и литовского языков (что подтверждает их ареальную общность). Таким образом, переменным в этой структуре является только номинальный компонент, все остальное устойчиво.

Широкая вариантность – один из показателей того, что фразеологизм не тождественен слову. Эта проблема активно обсуждалась на заре фразеологии. Одним из первых, кто вступил в полемику с фразеологами-традиционалистами, был Й. Млацек, предостерегавший на страницах *JČ* от попыток абсолютизировать эквивалентность фразеологизма со словом (Млацек 1980). Преодолеть эти взгляды помог отказ от изолированного изучения фразеологии. Особую

роль сыграло развитие грамматики конструкций (Construction Grammar), которая рассматривает лексику и грамматику как один нераздельный языковой комплекс – слова и составленные из них конструкции. Грамматика конструкций не случайно зародилась на англосаксонской почве, поскольку подобный структурный подход изначально отличал англосаксонскую лингвистическую традицию от других европейских. По этой традиции фразеологизмы, которые по своему составу являются конструкциями, располагаются в языковой иерархии ближе к синтаксису (ср. *Phraseologie...* 2007, с. 53–76; Lasch – Ziem 2011; Баранов – Добровольский 2024). Не случайно в центре научного интереса стоит в последнее время класс языковых единиц на границе синтаксиса и фразеологии в их традиционном европейском понимании, так называемые **фразеологизмы-конструкции** (ФК)¹⁰ – идиоматичные структуры с частично устойчивым, а частично изменчивым составом (Mellado Blanco 2015; Баранов – Добровольский 2023). Ср.: слов. *To je teda X!* (*To je teda sila! To je teda pekný výlet!*); рус. *А ещё X!* (*А ещё педагог! А ещё в банке работает!*) (PhraConRep).

ФК наглядно демонстрируют, что вариантность фразеологизмов всех типов обусловлена схематичностью их структуры: будучи стабильной как целое, она может заполняться разными компонентами. Устойчивость и воспроизводимость конструкции обеспечивают ее грамматические связи: например, в рус. *по самую макушку* ‘полностью, целиком’ (РФИЭС, с. 412) может замещаться номинальный компонент, с которым согласуется местоимение (ср. частотный в НКРЯ аналог *по самое не хочу* (*влипнуть, влезть в долги, загримировать...*) – www.ruscogroga.ru), однако в нем невозможно заменить предложно-падежное управление – нет форм **перед самой макушкой* или **при самой макушке*. Это подтверждает, что грамматические параметры фразеологизма устойчивее лексических. Поэтому вариантность обычно выражена в замещении лексических компонентов (см. примеры выше).

5. ТРУДЫ Ш. ОНДРУША И ЭТИМОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Благодаря ориентации на антропоцентрическую парадигму современная наука постоянно обнаруживает новые точки соприкосновения разных исследовательских направлений. С развитием фразеологии подкрепляются некоторые этимологические и ареальные гипотезы, выдвинутые в отношении лексики. Так, выдающийся словацкий лингвист Шимон Ондруш при изучении праславянского наследия в словацком и чешском языках установил, что словацкая лексика обнаруживает тесную связь с восточнославянским ареалом при отсутствии параллелей в других западнославянских языках (Ondruš 1974; Ondruš 1976), что подтвердилось позднейшими исследованиями (Habovštiak 1993;

---

¹⁰ Термин Д. О. Добровольского.

Dalewska-Greń 1997, с. 156). С другой стороны, сопоставительный анализ славянской фразеологии показал, что польский фразеологический фонд имеет больше общего с восточно-, чем с западнославянскими языками (Aksamitow – Czurak 2000; Fojtů 2013; Вальтер – Мокиенко 2019). Почему близость к восточнославянскому ареалу демонстрирует не только соседний польский, но и не контактирующий с ним словацкий, а южнославянских схождения у этих единиц нет? Ответ на этот вопрос может дать ареальная лингвистика: исследования показали высокую вероятность существования после распада праславянского единства общего западнославянско-восточнославянского ареального центра уже после отделения южных славян (Kysel'ová 2002; Korina 2013)¹¹. В этом центре формировались общие для всего ареала изоглоссы, следы которых сохранились лишь на периферии, поскольку в центре они были вытеснены более новыми. По мере распада ареальной общности периферийные зоны оторвались от центра и стали дистантными. Исходя из методики ареальной интерпретации, согласно которой разорванные ареалы отражают более древнее состояние, чем цельные (Цыхун 1994 и др.), схождения между дистантными словацким и восточнославянским ареалами свидетельствуют о большей древности данных явлений, чем схождения между контактными польским и восточнославянским – тем более, что параллели в последнем случае фразеологические, а фразеология по определению «моложе» составляющей ее лексики. Гипотеза косвенно подтверждается: ранее существовала центральная ареальная зона, в которой поток инноваций был направлен на северо-восток, что соответствует расселению славян. По мере ее распада схождения, отражающие более древние явления, сохранились лишь на крайней периферии, а более «молодые», которые были частью потока инноваций, компактно сосредоточились у северо-восточного края исходного ареала (ср. Kysel'ová 2002, с. 146–164). Свою роль сыграло также историческое соседство поляков с восточными славянами, подкрепленное европейскими геополитическими процессами.

Постулаты Ш. Ондруша заполнили лауну в знаниях о динамике праславянского лексического фонда, что способствует установлению относительной хронологии его развития и ареального распространения. Контрастивные фразеологические исследования определили ареалы общих явлений в славянской фразеологии. Вписанные в общую картину научного знания, эти отдельные фрагменты, как элементы мозаики, дополняют ее – картина становится все более четкой. Однако для ее заполнения необходимы связующие элементы, делающие очевидной общность разнородных на первый взгляд фактов. В нашем случае это данные ареальных исследований. Таким образом, работы Ш. Ондруша и других этимологов позволяют установить связь между современным

---

¹¹ Географически он расположен в центре Славии, поэтому при ареальной интерпретации обозначается как центральная зона (Kysel'ová 2002).

состоянием славянской фразеологии и ареальным членением Славии после распада праславянского единства.

Взаимодополняемость фразеологической и лексической этимологии действует и в обратном направлении: обращение к данным фразеологии могло бы существенно помочь в верификации гипотез о происхождении отдельных лексем, поскольку на первый план здесь выходят не сами единицы, а механизмы их функционирования, установление которых обнаруживает общие тенденции развития языка. В частности, фразеология полностью снимает вопрос этимологов о том, какое из значений славянского слова *язык* было первичным – ‘орган речи’ или ‘речь’: яркое преобладание во фразеологии соматически детерминированных единиц типа рус. *держат язык за зубами* ‘молчать’ и хронология их фиксации в разных славянских языках бесспорно свидетельствуют о первичности значения ‘орган речи’ (Вальтер – Мокиенко 2019, с. 7).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы коснулись лишь малой части целого комплекса проблем, связанных с этимологизацией фразеологизмов, однако имеющиеся данные можно обобщить следующим образом.

1. В отличие от лексики, при определении фразеологического этимона особое значение приобретают данные диалектной фразеологии, необходимые для фиксации вариантов. Это позволяет определить устойчивые и переменные составляющие в структурной схеме фразеологизма.

2. Этимологизация фразеологизмов значительно усложняется их образностью: расшифровка первичного образа требует знаний, выходящих за пределы языка (история, культура, персоналии...).

3. Ключевую роль в этимологическом анализе фразеологизмов играет историко-культурная информация, что делает невозможным чисто этимологический (в его традиционном понимании) подход и требует применения комплексной методологии, включающей исторические, культурологические, этнолингвистические, ареальные и диалектологические методы.

4. Задачу создания широкой сопоставительной базы, необходимой для этимологического анализа фразеологии, помогает решить современный компьютерный инструментарий науки – в частности, создание многоязычных, параллельных и национальных электронных корпусов и словарей, подобных многоязычному репозиторию фразеологизмов-конструкций PhraConRep. Все это дает основания ожидать прогресса в данной области.

И еще одно важное замечание, которое относится к функционированию научного знания в целом. Все существующие теории и концепции – разные пути к единому человеческому познанию, они являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Поэтому совершенно естественным образом

точки соприкосновения обнаруживаются между разными не только в теоретико-методологическом, но и в хронологическом срезе исследованиями и между разными научными дисциплинами, что подтверждается общей современной тенденцией к интердисциплинарности. Наличие таких точек – лучшее доказательство актуальности исследований, их вклада в расширение границ познания. Труды Шимона Ондруша являются точками соприкосновения этимологии, ареалогии и фразеологии в исследованиях, выполненных в разное время, в разных странах и прямо между собой не связанных, и это подтверждает их научную значимость.

Литература и источники

БАРАНОВ, Анатолий Николаевич – ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Дмитрий Олегович (2008): *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак. 656 с.

БАРАНОВ, Анатолий Николаевич – ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Дмитрий Олегович (2023): Об одном классе фразеологизмов в русском языке (фразеологизмы-конструкции). In: *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание*, № 3, с. 130–139.

БАРАНОВ, Анатолий Николаевич – ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Дмитрий Олегович (2024): *Очерки общей и русской фразеологии*. Москва: Издательский дом «ЯСК». 280 с.

ВАЛЬТЕР, Харри – МОКИЕНКО, Валерий Михайлович (2019): Праславянская фразеология: миф или реальность? In: *Jazykovedný časopis*, vol. 70, No. 1, p. 5–32.

КОРИНА, Наталья Борисовна (2020): Значение диахронического и ареального подходов во фразеологической этимологии. In: J. Grković-Major – N. B. Korina – S. M. Newerkla – F. V. Poljakov – S. M. Tolstaja (eds.): *Diachronie – Ethnos – Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte*. Festgabe für Anna Kretschmer. Brno: Tribun EU, pp. 89–101.

ЛЕПЕШАЎ, Иван Якаўлевіч (1981): *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*. Мінск: Народная асвета. 160 с.

ЛЕПЕШАЎ, Иван Якаўлевіч (1993): *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*. У 2-х ч. Ч. 2. Мінск: Народная асвета. 200 с.

ЛЭС – *Лингвистический энциклопедический словарь* (1990). Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия. 685 с.

МОКИЕНКО, Валерий Михайлович (2007а): *Загадки русской фразеологии*. Санкт-Петербург: Авалон. 256 с.

МОКИЕНКО, Валерий Михайлович (2007б): От редактора. In: А. К. Бирих – В. М. Мокиенко – Л. И. Степанова: *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов*. Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель и др., с. 3–10.

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*. Режим доступа: <http://www.ruscorg.ru/> [дата обращения 25-08-2024].

РФИЭС = БИРИХ, Александр Карлович – МОКИЕНКО, Валерий Михайлович – СТЕПАНОВА, Людмила Ивановна: *Русская фразеология. Историко-этимологический*

словарь. Около 6000 фразеологизмов (2007). Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель и др. 926 с.

ТОЛСТОЙ, Никита Ильич (1995): *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва: Индрик. 512 с.

ЦЫХУН, Генадзь Апанасавіч (1994): Арэальныя аспекты фарміравання славянскіх літаратурных моў. Мінск: Навука і тэхніка. 189 с.

ШАНСКИЙ, Николай Максимович – ЗИМИН, Валентин Ильич – ФИЛИППОВ, Андрей Валентинович (1987): *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. Москва: Русский язык. 240 с.

AKSAMITOW, Anatol – CZURAK, Maria (2000): *Słownik frazeologiczny białorusko-polski*. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN – Fundacja Slawistyczna. 260 p.

BIERICH, Alexander (2014): Historische Phraseologie der slavischen Sprachen. In: S. Kempgen – P. Kosta – T. Berger – K. Gutschmidt (eds.): *Die slavischen Sprachen / The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung / An International Handbook of their History, their Structure and their Investigation*. Berlin: de Gruyter, pp. 1766–1792.

Bierich et al. (2020) = BIERICH, Alexander – LOMAKINA, Olga – NIKOLAEVA, Elena – SELIVERSTOVA, Elena – STEPANOVA Ludmila: Counterpoints of Modern Phraseology. To the Anniversary of Prof. V.M. Mokienko. In: *RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics*, vol. 11, No. 3, p. 425–433.

BURGER, Harald (1998): Problembereiche einer historischen Phraseologie. In: W. Eismann (ed.): *EUROPHRAS 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt*. Bochum: Brockmeyer, pp. 79–108.

BURGER, Harald – BUHOFER, Annelies – SIALM, Ambros (1982): *Handbuch der Phraseologie*. Berlin – New York: de Gruyter. 433 p.

DALEWSKA-GREŃ, Hanna (1997): *Języki słowiańskie*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 666 p.

ĎURČO, Peter (2007): Slovak Phraseology. In: H. Burger – D. Dobrovolskij – P. Kühn – N. R. Norrick (eds.): *Phraseologie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 28.) Teilband 2. Berlin – New York: Walter de Gruyter, pp. 728–736.

ECKERT, Rainer (1987): Historische Phraseologie der slawischen Sprachen (unter Berücksichtigung des Baltischen): Prinzipien, Methoden und Resultate. In: *Zeitschrift für Slawistik*, vol. 32, No. 6, pp. 801–807.

EISMANN, Wolfgang (1999): Phraseologie. In: H. Jachnow (ed.): *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*. Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 321–366.

FLEISCHER, Wolfgang (1997): *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. 2., durchgesehene und ergänzte Aufl. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 299 p.

FOJTŮ, Petra (2013): *Фразеологические интернационализмы в русском языке*. Disertační práce. Olomouc: Univerzita Palackého. 214 p.

HABOVŠTIAK, Anton (1993): *Zo slovensko-slovanských lexikálnych vzťahov (so zreteľom na lingvistickú geografiu)*. Bratislava: Veda. 193 p.

KORINA, Natália (2013): Language Integration Processes in Linguistic Area Studies. In: *Human Affairs*, vol. 23, No. 3, p. 393–400.

KYSELOVÁ, Natália (2002): *Areálové vzájomné vzťahy slovanských jazykov centrálnej zóny*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela. 165 p.

LASCH, Alexander – ZIEM, Alexander (eds.) (2011): *Konstruktionsgrammatik III. Aktuelle Fragen und Lösungsansätze*. Tübingen: Stauffenburg. 281 p.

MELLADO BLANCO, Carmen (2015): Phrasem-Konstruktionen und lexikalische Idiom-Varianten. In: S. Engelberg – M. Meliss – K. Proost – E. Winkler (eds.): *Argumentstruktur zwischen Valenz und Konstruktion*. Tübingen: Narr Francke Attempto, pp. 217–235.

MLACEK, Jozef (1980): K sémantickým otázkam frazeológie. In: *Jazykovedný časopis*, vol. 31, No. 1, pp. 75–84.

MOKIENKO, Valerij (2007): Historische Phraseologie der slawischen Sprachen. In: H. Burger – D. Dobrovolskij – P. Kühn – N. R. Norrick (eds.): *Phraseologie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 28.) Teilband 2. Berlin – New York: Walter de Gruyter, pp. 1134–1145.

ONDRUŠ, Šimon (1974): Význam slovenčiny a češtiny pri rekonštrukcii praslovanskej slovnej zásoby. In: *Studia Academica Slovaca. 3. Prednášky X. letného seminára slovenského jazyka a kultúry*. Red. J. Mistrík. Bratislava: Ústav školských informácií, s. 239–256.

ONDRUŠ, Šimon (1976): Praslovanský základ slovenčiny v slovnej zásobe. In: *Studia Academica Slovaca. 5. Prednášky XII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry*. Red. J. Mistrík. Bratislava: Alfa, s. 295–316.

PhraConRep – *A Multilingual Repository of Phraseme Constructions in Central and Eastern European Languages*. Available at: <https://www.cost.eu/actions/CA22115/> [accessed on 30-08-2024].

Phraseologie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Phraseology. An International Handbook of Contemporary Research (2007). Eds. H. Burger – D. Dobrovolskij – P. Kühn – N. R. Norrick. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 28, Teilbände 1, 2.) Berlin – New York: Walter de Gruyter.

PUKANEC, Martin (2010): *Od indoeurópciny k praslovančine. Prehľad jazykových zmien s príkladmi v etymologickom slovníku*. Brno: Tribun EU. 138 pp.

R e s u m é

ETYMOLOGIZÁCIA FRAZÉM: NIEKTORÉ PROBLÉMY A ÚLOHY

Štúdia poskytuje analytický prehľad existujúcich teoreticko-metodologických zásad a praxe etymologickej analýzy frazém v porovnaní s etymologizáciou lexiky na materiáli slovanských jazykov. Poukazuje na špecifiká a úskalia etymologizácie frazém podmienené ich štruktúrou a prepojením s historickými a kultúrnymi realiami. V tejto súvislosti sa zdôrazňuje význam historickej frazeológie.

Ako materiálová báza výskumu slúžia etymologické slovníky frazém ruského a bieloruského jazyka doplnené o údaje z korpusov, frazeologických slovníkov slovanských jazykov a multilingválneho repozitória syntaktických frazém PhraConRep. Keďže toto číslo je veno-

vané Š. Ondrušovi, jedným z cieľov štúdie je poukázať na prepojenie jeho výskumov so súčasnými trendmi vo frazeológii a areálovej lingvistike, ktorá vystupuje ako interdisciplinárne spojivo pre viaceré vedecké smery a prístupy, etymológiu nevynímajúc.

Metodologicky sa vychádza z prác V. Mokijenka, A. Biericha a ďalších adeptov vedeckej školy akademika B. Larina, hlavne z metódy štruktúrno-sémantickej analýzy frazém a z piatich zásad etymologickej analýzy frazém, ktoré názorne preukazujú jej hlavné špecifiká – obligatórnosť zohľadnenia nárečových variantov a kultúrnu determinovanosť, vďaka ktorej hľadanie etymónu je vlastne dekódovaním prvotného obrazu vedúceho k vzniku frazémy.

Špeciálna pozornosť sa venuje náhľadu na frazeológiu z aspektu konštrukčnej gramatiky, ktorý umožňuje posúdiť mieru ustálenosti, resp. modelovateľnosti gramaticko-sémantických vzťahov medzi zložkami frazémy, čo je nevyhnutné pre určenie etymónu.

Osobitný dôraz sa kladie na význam areálového prístupu nielen pri etymologizácii frazém, ale aj pri pokusoch o prepojenie výsledkov zdanlivo rôznorodých výskumov v rámci všeobecného vedeckého poznania.

Kľúčové slová: historická frazeológia, etymológia, slovanské jazyky, dialekt, areálové štúdiá, frazeologická konštrukcia, Šimon Ondruš